В ПОМОЩЬ СЛУШАТЕЛЯМ ПОЛИТШКОЛ

КАК ЖИЛИ РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Ленин и Сталин, говоря о дореволюционной России, часто вспоминали слова народного русского поэта Некрасова:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Обильная своими богатствами, могучая своим героическим, талантливым народом, царская Россия была отсталой страной, и жизнь в ней для рабочих и крестьян была безотрадной.

Царское самодержавие жестоко угнетало русский народ и другие народы, населяющие нашу страну. Царизм обрекал Россию на военную, культурную, государственную, экономическую отсталость. Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла народам нашей страны дорогу к счастливой, свободной жизни.

I.

Царская Россия была государством помещиков и капиталистов, она была монархией с самодержавным царем во главе.

Владимир Ильич Ленин писал: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги **без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением.** Самодержавие есть поэтому самовластье чиновников и полиции и бесправие народа» (Соч., т. II, стр. 560—561).

Ничем не ограниченная власть царя была наследственной. Род Романовых царствовал в России 300 лет.

Кучка помещиков владела в России огромными земельными пространствами, в то время как многомиллионная крестьянская масса задыхалась от малоземелья. Кучке капиталистов принадлежали все фабрики, заводы, рудники, железные дороги, в то время как пролетариат не имел ничего. Помещики и капиталисты безжалостно эксплоатировали рабочих и крестьян.

Царь был самым крупным помещиком, самым богатым дворянином. Царской семье принадлежало 7 миллионов 856 тысяч десятин земли в одной только европейской части России. О «царе всея Руси» в одной народной песне говорилось:

Всероссийский император,
Царь—опора для дворян,
Царь—убийца для рабочих,
Царь—убийца для крестьян.

По царю подбирались и его министры. Это были крупнейшие помещики из самых родовитых дворян и богатейшие капиталисты, связанные с придворной знатью.

Если это был министр внутренних дел, то он все свои заботы направлял на усиление полиции и жандармерии, которые должны были следить за «черным», как высокомерно величали народ эксплоататоры, усмирять строптивых, беспощадно судить непокорных, гноить в тюрьмах, на каторге и в ссылке революционеров.

Если это был министр просвещения, то он деятельность своего ведомства направлял на то, чтобы строить бесконечные рогатки на пути народа к образованию, не допускать детей «простонародья» в средние учебные заведения и университеты. «Безграмотным, темным народом легче управлять»,—говорили царь и его министры.

В. И. Ленин указывал на то, что «вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии, каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии» (Соч., т. XXX, стр. 405).

На местах ревностными проводниками царской политики угнетения были губернаторы. Каждый из них был неограниченным властелином в своей губернии и при помощи полиции, жандармов, шпионов «наводил порядок», притеснял, душил рабочих, крестьян, передовую интеллигенцию.

Зловещей тучей висела над народом многочисленная царская свора: в городах — полицмейстеры, приставы, околоточные надзиратели, городовые, жандармские полковники и ротмистры, в уездах, в селах и деревнях—земские начальники из дворян-помещиков, исправники, становые приставы, сотские и десятские, стражники, волостные старшины и сельские старосты. Все они всячески издевались над народом, грабили его, сажали в «каталажку», творили открыто и повсеместно самые гнусные беззакония. До 1903 года существовали законом установленные телесные наказания для крестьян. За неуплату податей, за любую самую ничтожную провинность крестьян публично пороли розгами. В одном только 1891 году земскими начальниками было выпорото в деревне свыше 100 тысяч человек.

Народ был полностью лишен каких бы то ни было свобод.

Собрания с какими-либо политическими, общественными целями разгонялись, участников подобных собраний полиция арестовывала и предавала суду, который приговаривал их к тюремному заключению или к ссылке в Сибирь.

Когда выведенные из терпения рабочие устраивали уличные демонстрации, то на них налетали с нагайками и обнаженными шашками казаки, городовые, стражники, жандармы. Они окружали демонстрантов, избивали и расстреливали их.

«Ужасные полицейские условия уничтожали всякую возможность каких бы то ни было экономических организаций», — писал товарищ Сталин в 1901 году, указывая на то, что революционную энергию рабочих, поднявшихся против царизма, «безжалостно высасывали тюремные стены и сибирские морозы» (Соч., том I, стр. 20).

Рабочие и крестьяне в царской России не пользовались никакой свободой печати. Все типографии и вся бумага принадлежали помещикам и капиталистам. В стране не имелось ни одной свободной рабочей или крестьянской газеты. На печать было надето тяжелое ярмо царской цензуры.

То же самое проделывало царское правительство и с литературой. От неистовств цензуры и полиции страдали наши крупнейшие писатели и их произведения. Царизм преследовал Пушкина, Лермонтова, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Некрасова, Салтыкова-Щедрина. Подвергались запретам и преследованию произведения Глеба Успенского, Короленко, Льва Толстого, Чехова, Горького и много других. За хранение сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, за хранение революционных прокламаций и газет царские власти приговаривали к длительному тюремному заключению в одиночной камере, к каторге сроком до четырех лет и к другим тяжелым наказаниям.

Рабочие и крестьяне были лишены какой бы то ни было свободы союзов. Под страхом суровых наказаний им запрещалось об'единяться в союзы и в революционные партии. За это присуждали к каторжным работам, а затем к поселению в Сибирь.

В царской России не было общенародного представительства. Правда, во время первой русской революции 1905—1907 гг. царскому правительству пришлось пойти на уступки и об'явить о созыве Государственной думы. Однако больше половины населения России было лишено избирательных прав в Государственную думу. Так, вовсе не имели права голоса женщины. От участия в выборах было отстранено свыше двух миллионов рабочих. Выборы были не всеобщие, не равные, не тайные, не прямые. В Государственной думе подавляющее большинство мест обеспечивалось помещикам и капиталистам. Председателями Государственных дум были такие крупные богачи, от'явленные монархисты, как Гучков и Родзянко.

В царской России существовали городские думы и земские управы. Но в состав этих учреждений трудящиеся города и деревни не допускались. В земствах преобладали помещики, городские же думы избирались домовладельцами, купцами, банкирами, фабрикантами, заводчиками.

Заправилы городских дум строили для себя хоромы и заботились о чистоте нескольких центральных улиц и площадей. Но они палец о палец не ударяли для благоустройства заброшенных, лишенных освещения и воды городских окраин.

Неизбежной принадлежностью русских городов—как и сейчас любых городов во всем капиталистическом мире—являлись трущобы, рабочие кварталы на окраинах города, представлявшие собой груду темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютился неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу.

Особенно возмутительно было поставлено в царской России дело народного просвещения и народного здравоохранения.

При самодержавии трудящимся не были доступны ни благоустроенные больницы, ни санатории, ни поликлиники, детские ясли.

Неграмотность достигала ужасающих размеров. В 1897 году грамотных мужчин в стране было только 36 процентов, а женщин—13 процентов. В деревне этот процент был еще ниже. Особенно много неграмотных было среди нерусских национальностей. В 1908 году детей школьного возраста в России было 22 процента всего населения, а училось только 4,7 процента. Больше четырех пятых молодого поколения было обречено на неграмотность. «Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи,—писал Ленин,—пройти университета не могли... Наука и техника—для богатых, для имущих; капитализм дает культуру только для меньшинства» (Соч. т. XXIV, стр. 65).

Безотрадная жизнь ожидала лучших сынов народа. Алексей Максимович Горький в автобиографических повестях «Детство», «В людях» и «Мои университеты» ярко запечатлел тогдашнюю проклятую действительность.

Сколько людей гибло при царизме, при капитализме! Ленин отмечал, что этот режим, этот строй «душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью» (Соч., т. XXIV, стр. 491).

II.

Каторжный труд и беспросветная жизнь были уделом рабочего человека в царской России. Чтобы получить средства к существованию, ему приходилось продавать свою рабочую силу хозяевам, капиталистам.

Предложение рабочих рук было обычно больше спроса, и рабочий испытывал всевозможные мытарства, прежде чем попасть на фабрику: он подвергался при найме постыдным оскорблениям «работодателя»—хозяина, директора, управляющего. Под угрозой голодной смерти рабочий вынужден был соглашаться на любые условия хозяина фабрики.

Капиталисты давали рабочему нищенскую заработную плату, чтобы он и его семья только не умерли с голоду.

Для увеличения своих прибылей капиталисты устанавливали очень продолжительный рабочий день. На фабриках и заводах царской России рабочий день продолжался не менее $12^1/_2$ часов, а в текстильной и некоторых других отраслях промышленности доходил до 15—18 и даже до 20 часов. В расчетной книжке рабочих бумажной фабрики Бутылина в Москве значилось: «Дневная работа начинается в 4 часа утра и кончается в 8 часов вечера».

Долгий, ничем не ограниченный рабочий день совершенно изнурял рабочего,—не оставалось времени ни для отдыха, ни для семьи, ни для удовлетворения культурных потребностей. Заработок рабочего в царской России был настолько скуден, что его еле хватало на то, чтобы кое-как перебиваться с хлеба на квас.

Особенно жестоко эксплоатировался женский и детский труд. За ту же самую работу женщинам и подросткам платили (как это и сейчас делается во всех капиталистических странах) гораздо меньше, чем мужчинам. Именно поэтому капиталисты стремились широко применять женский и детский труд.

Но даже и нищенская заработная плата урезывалась капиталистами. При выдаче заработной платы капиталисты прибегали ко всяким уловкам, делали все, чтобы запутать счет, обмануть рабочего, ограбить его различными своевольными вычетами. Рабочих особенно преследовали штрафами, которые нередко поглощали до трети заработка. Поводы к этому изобретались самые разнообразные. Один из виднейших революционеров—рабочий Петр Моисеенко вспоминал: «За все штраф. Мимо директорских окон в шапке пройдешь—штраф. В казарме громко заговоришь—штраф. На улицу с гармошкой выйдешь—штраф. Жена двойню родила—штраф. Ну прямо хоть ложись да помирай».

Чем продолжительнее был рабочий день, чем ниже был реальный заработок рабочих, тем больше прибыли шло в карман капиталистов. Все просьбы рабочих о повышении заработной платы хозяева грубо, издевательски отвергали. «Я лучше проложу золотые рельсы от Москвы до Рязани,—отвечал богатейший железнодорожный воротила фон-Мекк,—чем прибавлю полтинник стрелочнику». «Москва-реку деньгами запружу, а вам денег не дам»,—заявил московский фабрикант-толстосум Прохоров.

Рабочие царской России жили на самых заброшенных и неблагоустроенных окраинах городов, в пыльных и грязных поселках—различных «слободках», «собачевках», «нахаловках».

«Жилье у рабочих при царе было тюремное»,—вспоминают старые люди. не много было таких «счастливцев», которые имели отдельный угол. Большинство ютилось в рабочих «казармах» (общежитиях), по 3—5 семейств в маленькой клетушке. Жандармский ротмистр Жерарди, проводивший в Москве следствие по поводу рабочих забастовок в 1902 г., в рапорте по начальству вынужден был отметить: «В каморках очень небольших, разделенных на 9 гнезд живет по 18—24 человека, причем в каждом гнезде спит семья с детьми, величина гнезда—$2^1/_2$ аршина длины и около 2 аршин ширины. Работающая на фабрике семья помещается усмотрением фабрики врозь: отец—в молодцовской, дочь—в девичьей, а сын с женой—в каморке с другими рабочими... Холостяцкая каморка, в которой помещается 10 человек, окна не имеет, освещается днем и ночью газом. Ни стола, ни табуреток нет—одни нары».

Можно себе представить, как мучилась в этих страшных условиях рабочего быта в царской России женщина-работница!

Государство совершенно не заботилось о беременных женщинах. «Ходили беременными на фабрику до последнего момента»,— вспоминают работницы. Большинство детей рабочих гибло в грудном возрасте от разных болезней и от плохого присмотра. Много унижений приходилось испытывать работнице от приставаний всякого фабричного начальства—директоров, заведующих, мастеров.

Капиталисты не беспокоились о технике безопасности на производстве. Охраны труда не существовало. Несчастные случаи происходили каждый день, и рабочий, по вине капиталистов получивший увечье, выбрасывался вон с фабрики.

Никаким правом на отдых рабочие не пользовались. Домов отдыха, санаториев для них не было. Заболевший рабочий попадал в совершенно безвыходное положение.

Рано старились люди труда в царской России, рано безвременно умирали!

Весь разбойничий аппарат царской власти, как тяжкий пресс, давил на рабочих. Они были лишены права бастовать, чтобы добиться улучшения своей жизни. Когда же рабочие, доведенные до крайности, всетаки об'являли стачку, то их детей и жен обрекали на голод, выбрасывали из «квартир»; стачечников расстреливали, арестовывали, заточали в тюрьмы, ссылали.

Самым страшным для рабочего человека, для его семьи было лишиться работы, очутиться на улице безработным. Как и сейчас во всех капиталистических странах, города в царской России были полны людей, искавших работы. Их руки, жадно тянувшиеся к труду, никому не были нужны. У ворот фабрик и заводов, шахт и рудников вечно толпились тысячи и тысячи безработных, составлявших резервную армию для капиталистов. Рабочий, занятый сегодня на производстве, мог завтра очутиться в рядах безработных. Угроза голода висела, как постоянный кошмар, над каждым трудящимся в царской России.

Положение рабочих особенно ухудшалось в период экономических кризисов. Сотни и тысячи предприятий закрывались, десятки и сотни тысяч рабочих выбрасывались на улицу. Годы кризисов всегда сопровождались ростом нищеты в рабочих семьях и многочисленными самоубийствами.

Таково было положение рабочих в царской России.

III.

Не лучше жилось при самодержавии и крестьянству.

Крепостное право было отменено в России в 1861 году, но многочисленные остатки крепостничества еще долго сохранялись.

Вот что писал по этому поводу В. И. Ленин:

«Крестьяне **в большинстве** губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало» (Соч., т. XV, стр. 109).

Более 150 миллионов десятин земли оказались после «реформы» в руках помещиков, царя, церквей и монастырей. У крестьян отрезали свыше одной пятой лучшей части той земли, которой они пользовались даже при крепостном праве.

Кроме того, отмежевание крестьянских земель от помещичьих было произведено так, что помещичьи земли клиньями врезывались в крестьянские. «Курчонка некуда выпустить»,—говорили в деревнях.

Вдобавок ко всему этому за свою же землю крестьяне должны были ежегодно вносить выкупные платежи. Крестьянская земля стоила 543 миллиона рублей, а помещики содрали за нее с крестьян свыше 2 миллиардов рублей золотом. Только в революцию 1905 года выкупные платежи были отменены. Но земля попрежнему оставалась в руках помещиков.

Среди помещиков были такие, как князь Голицын, которому принадлежало свыше 1 миллиона десятин, помещик Рукавишников, у которого было 850 тысяч десятин; граф Бобринский, владевший 60 тысячами десятин земли. В 1907 году на 10 миллионов крестьянских дворов приходилось 70 миллионов десятин и столько же земли приходилось на 30 тысяч помещиков. В среднем на крестьянскую семью приходилось 7 десятин земли, а на одного помещика—2.300 десятин.

Безземелье и чересполосица, недостаток или полное отсутствие выгонов, леса, воды—все это вынуждало крестьян итти в кабалу к помещику и на самых тяжелых условиях арендовать помещичью землю. Помещики ежегодно выколачивали из крестьян около 500 миллионов рублей арендной платы.

Особенно широко были распространены так называемые отработки: крестьяне обрабатывали своим инвентарем помещичьи земли за часть урожая, за землю, за «отрезки», за выпас, за зимнюю ссуду и т. п. Отработки, по сути дела, мало чем отличались от крепостной барщины.

Работая на своей полоске или в имении на барина, выплачивая выкуп, внося помещику всякие штрафы за потраву, крестьянин должен был платить еще и государственные подати. Отдавая последнюю коровенку помещику, полицейскому или попу, он нищал и разорялся.

Над крестьянином стояло множество больших и малых начальников, начиная от старосты, старшины, сотского, урядника, волостного писаря и кончая земскими начальниками, становыми, исправниками, предводителями дворянства и т. д. Все они бесконтрольно властвовали над крестьянами. Земские начальники назначались исключительно из помещиков-дворян.

Ко всему этому прибавлялся гнет капитала. Крестьянину надо было доставать деньги на уплату податей, на аренду земли, на покупку хлеба, которого обычно хватало только до нового года. Развитие капитализма расслаивало деревню на громадную массу бедняков и батраков и на кучку кулаков, «хозяйственных» мужиков-мироедов.

Из десяти миллионов крестьянских дворов, которые насчитывались в России в 1903 году, не меньше трех с половиной миллионов было безлошадных, полупролетарских, с ничтожным клочком приусадебной земли. Половину посевов деревенской бедноты прибрали к рукам полтора миллиона дворов деревенских богатеев—кулаков. Эта сельская буржуазия тянулась вверх, притесняла и грабила бедноту и среднее крестьянство, наживалась и жирела на непосильном труде бедняков.

Предоставленный собственной судьбе, копошившийся с деревянной сохой и бороной на своей тощей полоске, крестьянин в царской России был подвержен всем случайностям, которые пускали его по миру: неурожаям, падежу скота, потере лошади, пожару, что так часто гулял в то время по деревням. Крестьянин-единоличник из нужды выйти не мог, от разорения деться ему было некуда.

Бедственное состояние деревни неизбежно приводило в неурожайные годы к страшным хроническим голодовкам, которые повторялись, как правило, каждые 10 лет (1891, 1901 и другие годы).

В таких условиях крестьянству часто не оставалось ничего другого, как бросать деревню и уходить на фабрику или завод, хотя и там его ожидали нужда, голод и новые мытарства.

«Что заставляло крестьянина бегать из деревни в город?»—спрашивал товарищ Сталин. И отвечал:—«Страх голода, безработица, то обстоятельство, что деревня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее хоть к чорту на рога, лишь бы получить какую-либо работу». («Вопросы ленинизма», стр. 332).

В то время, как рабочие и крестьяне влачили тяжкое существование, нищенствовали и голодали, кучка капиталистов и помещиков утопала в сказочной роскоши. Капиталисты и помещики жили в великолепных имениях и в особняках. Их обслуживала многочисленная прислуга—швейцары, дворники, горничные, кухарки, кучера, псари, садовники и многие другие. В городе и в деревне, в России и за границей растрачивали они богатства, добытые ими посредством безудержной эксплоатации рабочих и крестьян.

IV.

Положение русских рабочих и крестьян в царской России было очень тяжелое. Но еще в более тяжелых условиях жили другие народы. Около двухсот национальностей жило вместе с русскими в царской России. Трудящиеся этих национальностей подвергались тяжелому национальному гнету, жесточайшей эксплоатации своих и русских помещиков и капиталистов.

«Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том,—говорит товарищ Сталин,—чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их». («Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 69—70).

Царизм всемерно воспитывал презрение к другим, нерусским народам. Царские власти даже официально называли все нерусские национальности оскорбительным словом «инородцы». Для них были установлены всякого рода ограничения (при приеме на государственную службу, в армию и т. д.).

Царские власти отбирали у крестьян нерусской национальности богатейшие земли на окраинах России и раздавали эти земли русским помещикам и кулакам. Царизм стремился насадить в национальных районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков. Так было в Башкирии, в Киргизии, в Казахстане и других местах. Царизм добивался этим разных целей: он создавал в лице русских поселенцев-кулаков свою опору на окраинах, обрекал народы этих окраин на постепенное вымирание, разжигал вражду между различными национальностями.

Царское правительство систематически натравливало народы друг на друга, отравляло сознание людей звериным шовинизмом, организовывало армяно-татарскую резню, еврейские погромы.

Царское правительство намеренно поддерживало и укрепляло патриархальные и феодальные пережитки, господствовавшие на окраинах, и стремилось держать народы России в рабстве, темноте и невежестве.

Управление окраинами было передано в руки жестоких и невежественных русских чиновников. Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения находились на положении губерний Российской империи. Народы царской России не имели ни администрации, ни органов хозяйства, ни органов власти из местных людей, они были лишены права развивать свою национальную культуру, учить детей на родном языке.

Во всех национальных районах царской России притеснялись, а иногда и вовсе ликвидировались местные школы, театры, издательства. Деятельность национальных просветительных учреждений крайне ограничивалась, а то и вовсе не допускалась. Царизм хотел лишить народы России их национальных черт, родного языка, особенностей, привычек, культуры. Он добивался насильственной руссификации местного населения.

Царское правительство и русская буржуазия обрекали народы России на экономическую отсталость. Русские промышленники не строили на национальных окраинах заводы и фабрики, хотя экономически это и было выгодно. Царизм и буржуазия не хотели поднимать хозяйство угнетенных народов и создавать местный национальный пролетариат. Они предпочитали возить хлопок с полей Туркестана через всю Россию на фабрики под Москвой, а потом в виде готовых тканей снова через всю Россию перевозить в Среднюю Азию. Такой политикой царская Россия держала в полной экономической зависимости индустриально неразвитые национальные окраины; они оставались только поставщиками сырья для промышленности, которая была сосредоточена преимущественно в Центральной России. Царская Россия была «тюрьмой народов». Царизм был палачом и мучителем русского народа и всех других народов огромной страны.

* * *

Политика царского правительства была антинародной. В царской России чувствовали себя вольготно не только русские, но и чужеземные капиталисты. Многие важнейшие отрасли промышленности были в руках иностранных капиталистов. В черной металлургии, например, около трех четвертей производства находилось в руках иностранного капитала. Каменноугольная промышленность Донбасса почти целиком зависела от иностранных капиталистов. Около 60 проц. добычи нефти было сосредоточено в руках иностранных фирм и т. д. Выходит, что царская Россия была в полуколониальной зависимости от чужеземных капиталистов. Характерно, что в течение последних трех десятилетий царствования Романовых роль иностранного капитала в России все больше и больше усиливалась.

Беспомощность русской промышленности особенно резко сказалась в дни первой мировой войны. Тогда на каждого русского солдата приходилось в среднем в 20 раз меньше снарядов, чем на немецкого солдата. Нехватало ружей, пушек, пулеметов. Свыше трех четвертей тяжелой артиллерии, находившейся на вооружении царской армии, было закуплено за границей. Политика царского самодержавия привела страну на край гибели. Перед нашей Родиной стала совершенно реальная угроза потери государственной самостоятельности, превращения ее в добычу империалистических хищников. «И только Великая Октябрьская социалистическая революция спасла нашу страну от гибели и открыла перед ней путь свободной, независимой жизни.

* * *

В царской России трудящиеся не мирились со своей судьбой. В течение веков они не раз поднимались на борьбу против несправедливых порядков, установленных на их прекрасной земле. Восставали крестьяне против крепостнических, рабских порядков. Восставали «работные люди» против крепостной фабричной каторги. Восставали угнетенные народы, борясь за свою свободу и независимость.

Но царское самодержавие подавляло выступление народа. Положение изменилось лишь после того, как на арену политической жизни России выступил новый класс—русский революционный промышленный пролетариат во главе с его великими вождями Лениным и Сталиным, создавшими революционную марксистскую партию рабочего класса, партию большевиков. Пролетариат об'единил вокруг себя крестьянство России и повел его на решительный бой с ненавистным царским режимом и эксплоататорским буржуазным строем,—за свободную, счастливую жизнь.

Славный революционный рабочий класс России, имея на своей стороне верного союзника—крестьянство, организованный и руководимый партией Ленина—Сталина, уничтожил режим безмерного царского насилия, дикого буржуазно-помещичьего произвола. В Февральскую революцию 1917 года гнусный самодержавный строй был опрокинут. Вслед за тем во всемирно-исторические октябрьские дни 1917 года рабочие и крестьяне нашей страны во главе с Лениным и Сталиным сокрушили строй капиталистической эксплоатации и на обломках царского и буржуазного самовластья создали свое родное, непобедимое советское социалистическое государство.

Проф. Б. ВОЛИН

БЫСТРЕЕ УСТРАНЯТЬ НАРУШЕНИЯ УСТАВА АРТЕЛИ

(ОБЗОР ПИСЕМ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ИЗ КОЛХОЗОВ)

В редакцию «Курской правды» продолжают поступать письма колхозников с откликами на постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

Колхозники выражают горячую благодарность партии, правительству и лично товарищу Сталину за новую заботу об укреплении колхозов и намечают конкретные мероприятия по быстрейшему устранению извращений Устава.

«С глубоким вниманием ознакомились с постановлением партии и правительства о наведении порядка в колхозах,—пишет в редакцию тов. Юхневич,—колхозники и колхозницы артели «Вторая пятилетка» Белгородского района. 60-летний колхозник Иван Лаврентьевич Покидов в своем выступлении сказал:

— Решение партии и правительства радует нас. Наш отец Сталин знает обо всем, что нас волнует. Это мудрое решение поможет нам сделать колхоз богаче, чем до войны. Никому не дозволено залезать в колхозный карман. Мы, колхозники,—полные хозяева артели».

О собрании колхозников артели «Красная заря» Больше-Троицкого района подробно рассказывает в письме тов. Лобков. Колхозник т. Ильченков на этом собрании говорил:

— Мы забыли об Уставе колхозной жизни. Вот и получилось, что в нашем колхозе много трудодней начислили людям, не связанным с колхозной работой. Колхоз оплачивает, например, сельисполнителя и сборщика яиц. Партия и правительство напоминают, что нельзя забывать об Уставе артели.

На собрании выступили тт. Комаренко, Авилов, Гуляев и другие—всего 20 колхозников. Все они единодушно одобрили постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б).

«С большой благодарностью товарищу Сталину,—сообщает колхозник артели «Октябрьский луч» Уразовского района тов. Новиков,—наши колхозники встретили постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). Много нарушений Устава было и у нас. Наше колхозное правление (председатель И. Логвиненко) еще не отчиталось о своей работе за 1945 год, хотя уже и этот год к концу подходит. Ничего не делает у нас и ревкомиссия. Потому-то с колхозной фермы было разворовано много молока и масла. И трудодни у нас растранжириваются. Взять хотя такой факт: сторож единоличник Изюмский ежедневно получает по 0,75 трудодня. Теперь всем нарушениям Устава пришел конец».

Постановление партии и правительства помогло колхозникам многих артелей навести порядок в их общественном хозяйстве. Однако, есть еще у нас такие руководители колхозов, которые попрежнему не считаются с мнением колхозников, продолжают нарушать закон колхозной жизни.

Член правления колхоза «13 годовщина Октября» Шебекинского района Тарасов сообщает о возмутительном факте: председатель артели Тарасов уже после опубликования постановления разбазарил 30 центнеров сена, тогда как колхозный скот кормами обеспечен неполностью.

Серьезные сигналы поступают из колхозов Золотухинского района. Председатель колхоза им. Свердлова Яковлев и председатель сельсовета Конев взяли с колхозной фермы по корове, выдали колхозную корову некоему Шеховцову,—и до сих пор этих коров колхозу не вернули. Не устраняются нарушения Устава и в колхозе «Ударник», о чем сообщает тов. Квасов. Председатель этого колхоза Шубин растранжирил много колхозного сена.

Задача партийных, советских и земельных органов состоит в том, чтобы со всей решительностью бороться за быстрейшее выполнение исторического постановления партии и правительства о ликвидации нарушений Устава артели.